

КРИЗИС ЦЕННОСТНЫХ СИСТЕМ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МОДЕРНИСТСКОЙ ЭТИКИ:

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И КРИТИКА

Несмотря на то что социальная мифология издревле настаивает на присутствии в мире некой вечной борьбы добра со злом, скорее можно было бы сказать, что такая борьба на самом деле является мифом. Тех, кто встает на сторону зла, в человеческой истории сущие единицы, и даже они, чтобы сделать такой выбор, должны исходить из уже существующей моральной конструкции. Точнее было бы утверждать, что все борются за добро, но понимают его существенно различным образом. Чтобы определить, какая именно позиция из вступивших в борьбу является более «доброй», потребовался бы внешний критерий, выход на метапозицию, которую можно было бы назвать божественной. Конечно, веками люди апеллировали к такой позиции с абсолютной уверенностью, опирались на свою веру в добро и объявляли противоположную позицию злом. Даже если возникали сомнения, скорее это были сомнения в том, что мы можем эту метапозицию узнать, но не в том, что она существует.

Конец этой надежде положила рационалистическая критика эпохи Просвещения. И. Кант своим призывом «пользоваться собственным разумом» и не полагаться на «опекунов», знающих, в чем состоит внеположный абсолютный моральный закон, а также акцентировкой внутреннего основания морали, черпающей свои принципы исключительно из осознанной свободы субъекта, сделал метафизические критерии оценки морального действия эфемерными. Это позволило признать множественность моральных позиций и право Другого на свое мнение, подвело культуру к возможности диалогического состояния, принципу интерсубъективности, рациональной и эмоциональной коммуникации, укрепило ценности гуманизма и плюрализма, открыло путь к признанию различия мнений, к тому, чтобы перевести этические споры в горизонтальное измерение. Несмотря на то что

просветительская этика была в конечном счете подвергнута критике за ее тотальный рационализм, упускающий из вида эмоции и чувства, именно она открыла эмоциям и чувствам путь к свободе из прежнего метафизического рабства.

К середине XX века человечество словно осознало, что оно больше не имеет права строить жесткие системы распределения добра и зла, игнорировать индивидуальные склонности отдельных людей, быть невнимательным ко множеству различных голосов, заявляющих о своем присутствии в этом мире. Критика обрушилась на рациональность, поскольку рациональность обвинялась в потворстве выстраиванию жесткой системы моральных определений, в поиске единого критерия оценки. М. Фуко в предисловии к знаменитому труду Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип: капитализм и шизофрения», который он назвал работой, во-первых, этической, во-вторых, радикально антифашистской, заявил, что так же, как некогда «христианские моралисты искали следы плоти, затаившиеся в закоулках души», авторы этой книги «исследуют мельчайшие следы фашизма в нашем теле»¹.

Фашизм здесь понимается предельно широко. Можно сравнить это прочтение с прочтением З. Баумана в его книге «Актуальность холокоста»². Фашизм — это не агрессия, не сплочение перед лицом противоположных сил, а построение целостной системы, действующей рационально, слаженно, под единым началом, по единому принципу. Это построение разумной системы, подведение под единый свод правил, поиск закона, упорядочивание, оформление, выкорчевывание бурелома, чтобы обустроить прекрасный сад, уничтожение вредителей, чтобы обустроить слаженный и гармоничный мир, отсекаание лишнего, чтобы создать великолепную статую...

Все, что ведет к гармонии, одновременно заражено этой слишком рациональной мыслью о целостном смысле. Эту опасность видят авторы книги «Анти-Эдип» и всячески пытаются избежать ее в собственном изложении,

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. С. 8.

² Бауман З. Актуальность холокоста. М. : Европа, 2010.

делая его практически нечитаемым, распадающимся, разорванным, словно «тело без органов» этого текста отчаянно борется с рациональным устройством текста как слаженного организма: «Между желающими машинами и телом без органов разгорается явный конфликт»³.

Критика рациональности, итоговая для развития рационалистического проекта модернистской мысли, стала ее внутренней самодеконструкцией. Она готова была признать, что эксцессы систематизации являются тяжелым бременем и виной рационалистического проекта, поборовшего однажды условность и тотальную закрепощенность традиционного общества. И теперь она готова была вывести человечество на новый, еще неизведанный путь, на новый уровень, где разум сам уступит место обновленному чувству, минуя все ограничения, теперь осмысленные и преодоленные. В этом виделся едва ли не новый шанс к обретению Царства Божия, нового, постсекулярного, царства человеческой свободы⁴.

Смущающим элементом прекрасной постмодернистской эпохи было, наверное, лишь то, что в экономике ей соответствовало все большее укрепление того самого принципа, которому эта новая мысль пыталась всячески противостоять: принципа капиталистического производства и потребления, все более порабощающего желания и чувства человека, что, собственно, и было главным предметом «антифашистской» критики Делеза и Гваттари и других еще более пессимистичных постмодернистов вроде Ж. Бодрийяра, которые вовсе не видели выхода из этого манипулятивного и симулятивного социального тупика. А в политике в то же самое время процветало разделение мира на два лагеря: коммунистический и капиталистический. И до определенного времени казалось, конечно, что существование коммунистического лагеря является некой издержкой, ложным путем, ошибкой, неверным прочтением тех левых ценностей, которые легли в основу экономической критики общества потребления, отклонением, недолжным к

³ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 24.

⁴ См., например: *Ваттимо Дж.* После христианства. М. : Три квадрата, 2007. С. 65.

существованию. Забывать о том, что коммунистический проект — это плоть от плоти модерна и его рациональных критических раздумий, другая сторона того, что стало основой самого общества потребления, лишь с небольшими переакцентировками, было никак нельзя. Тем не менее это забывалось.

То, что фашизм также являлся лишь переакцентировкой рационалистических принципов Просвещения, также забывалось. Как могли те же идеи, что ведут к гуманизму и равноправию, привести к тоталитарной диктатуре? Казалось, это ошибка. Но проект рухнул. Сначала фашистский, потом и коммунистический. И возможно, уже в итоге стало ясно, что корень бед при их уничтожении не был даже затронут, что в конечном счете привело к полной трансформации всех прежних идей и ценностей и их превращению в свою полную противоположность.

Из трех путей рационализации социального порядка, порожденных критической мыслью модерна, два показали свою склонность к переходу от принципа рациональности к тоталитарной диктатуре. При дальнейшем преобразовании, сопровождаемом отказом от принципа диктатуры, они отказались и от рациональности, по сути, вернувшись к старым метафизическим убеждениям. Так, фашизм, отказавшись от претензий на тотальность, преобразовался в традиционализм, доверие к архаическим ценностям и устоям, а коммунизм как реальная государственная идеология пришел в согласие с религиозной верой. В то же время оставшийся либеральный проект, учитывая все плюралистические и антисистемные настроения, неожиданно преобразовался, апеллируя к столь желанному антифашистами и постмодернистами господству чувства над рациональной схемой, в новую систему противостояния добра и зла, где на стороне «зла» выступает все, что не является либеральным, таким образом, из признания права Другого этот проект превращается в жесткий диктат.

Диктат этот несколько парадоксален. Признание права Другого, каким бы он ни был, и множественности голосов является итогом развития лишь одной системы мысли — критической рациональности модерна, выступившей против

метафизики и традиционного уклада жизни. Таким образом, всем остальным это признание в качестве идеологии было навязано извне. Теперь Другой, обретя навязанное право, оказывается вынужден для его утверждения «отменить» навязавшую его инстанцию, чтобы обрести это право в полной мере. В итоге, по сути дела, мы получаем диктат Другого, причем вынужденный.

Либеральная позиция признания обращается против собственных оснований и в конечном счете должна, чтобы обеспечить свое осуществление, быть уничтожена и перейти в тотальное утверждение внелиберальных, внерационалистических, внекритических ценностей (которые и являются по отношению к ней Другими). Это очень зыбкое положение, при котором критика любых иррациональных фундаменталистских убеждений сама ведет к новым иррациональным фундаменталистским убеждениям, только на новом уровне. И это как раз то, что мы получаем вместо обещанного «царства свободы», процветания гуманизма и всеобщего многообразия. По сути, либеральный проект в современном мире пришел к тому же самому, к чему несколько раньше пришли его более тоталитарные собратья: к диктатуре, жесткой цензуре, борьбе с «вредителями» и со всем, что ему противоположно (потому что оно стоит на стороне зла), к жесткому различению черного и белого, к новой, вполне архаической, системе мысли под прикрытием того, что осталось от старых гуманистических лозунгов.

Возникает вопрос: во всех этих случаях что пошло не так? И в ответ на этот вопрос появляется подозрение. Истоком преобразований, осуществленных модерном, начиная с эпохи Просвещения была рациональная критика, критика всех устоев и оснований. Она же легла в основу научного исследования, прорывающего все границы старых мировоззрений, и искусства, устремившегося к свободному выражению человеческой индивидуальности. Тем не менее все идеологические системы, которые в итоге были выстроены, для практических целей воспользовались принципом рациональности исключительно для построения новых, более разумных (на первый взгляд)

сводов правил, новой содержательной этической основы для будущего общества. И все свелось к тому, что с ужасом заподозрили в новом мире Делез и Гваттари, анализирувавшие с одинаковым подозрением и Маркса с его утопией всеобщего равенства, и Фрейда с его господством бессознательного над сознанием (все это Фуко удивительным образом свел к слову «фашизм»).

В погоне за практическим результатом забыли то, что лежало в основе всего мировоззренческого переворота и что было подчеркнуто И. Кантом, но после, видимо, успешно и навсегда забыто в попытках построить новый прекрасный мир свободным порывом собственной субъективности. Забыли, собственно, *критику*. Рациональность всегда была свойством человека. Но критическая рациональность — достижение модерна, позволившее ему не только добиться тотального господства над всеми другими мировоззренческими системами, но и существенно гуманизировать мировосприятие людей. Тем не менее без критики, ограничения притязаний разума на знание абсолютной истины, о котором говорил Кант, без постоянного сомнения, взвешивания, рациональной дискуссии в публичном пространстве между всеми возможными высказывающимися тем или иным образом сторонами рациональность станет лишь основой для наиболее успешного построения новой и все более совершенной системы тотального контроля. Однако критика так чужда чувству, склонности, эмоциональному отклику травмированного болезненным человеком, жаждущего утверждения своего права и получающего его от новой гуманистической морали, что она постоянно остается за бортом, словно некое нарушение истинного гуманизма, пережиток коллаборационизма с фашистами, неспособность занять честную позицию. Но если мы не вспомним об этой критической составляющей проекта модерн, то вынуждены будем отойти и от всех гуманистических ценностей, которые он утверждал.

Известный словенский философ С. Жижек в далеком 2008 году, когда казалось, что шанс на достижение «царства свободы» через укрепление и развитие созданных за последние пару столетий идеалов еще не утрачен, в

работе «О насилии», предостерегая от утверждения слишком явного и непосредственного прямого действия против зла (которое само оказывается лишь маскировкой насилия со стороны системы), писал, что в нынешнем мире, может быть, единственное, что может нам помочь, — это теоретический анализ. Он вспоминает проблему, поставленную Ж.-П. Сартром в статье «Экзистенциализм — это гуманизм». Молодой человек, пришедший к Сартру с вопросом, не знал, что делать: вступить в ряды Сопротивления и бороться с фашизмом, но тем самым бросить и обречь на смерть родную мать, или остаться с матерью, но предать свободу родины и борьбу с фашизмом? Жижек говорит, вспоминая известный анекдот про Ленина: «Непристойное третье решение дилеммы состояло бы в том, чтобы посоветовать молодому человеку сказать своей матери, что он вступил в Сопротивление, а друзьям из Сопротивления — что он будет заботиться о матери; самому же в это время удалиться в укромное местечко и заняться наукой...»⁵. В 2008 году это казалось возможным хотя бы в качестве шутки. В современном мире это кажется уже невозможным. Но, может быть, как никогда на редкость необходимым...

⁵ Жижек С. О насилии. М. : Европа, 2010. С. 10.